

16.11.2016, 15:09 Саратовская область

ИНТЕРВЬЮ

«Я нарушил какую-то иерархию»: как журналист Сергей Вилков «клеветал» на депутата

Мировой суд Фрунзенского района Саратова 10 ноября **вернул прокурору** дело о клевете на депутата областной думы Сергея Курихина, заведенное на местного журналиста Сергея Вилкова. Вилкову инкриминируют клевету, соединенную с обвинением в совершении тяжкого преступления (часть 5 ст. 128.1 УК). Инициатором уголовного преследования стал сам Курихин.

В материалах Вилкова рассказывалось о предполагаемой связи депутата-олигарха с ультраправыми, преступным миром и причастности к нападениям на местных репортеров. Сергей Вилков рассказал Александру Литому о том, к чему привели его журналистские расследования: о суде, угрозах и году жизни с госохраной.

Чего бы ты хотел добиться в суде? Почему Курихину так важно оказалось судиться? Удалось ли Курихину испортить тебе жизнь?

— Еще только готовясь к этому суду, я ставил перед собой задачу не столько избежать наказания, сколько доказать свою правоту, причем, в первую очередь, общественности. Многие мне говорят, что я уже это сделал, но я обязан поставить в этом вопросе точку, которую уже не сотрешь. Думаю, что предпосылкой для этого будут результаты судебного запроса в ФСБ и МВД России на предмет возможного нахождения Сергея Курихина на оперативном учете в качестве члена организованной преступной группировки. Наше ходатайство об этом было удовлетворено 3 ноября. Правда, теперь, в результате возврата дела на следствие, судьба этого запроса совершенно не понятна.

Почему Курихину было важно судиться? всю историю моего преследования правоохранительными органами и наката на нашу **медиа-группу «Общественное мнение»** я отсчитываю с того дня, когда я публично озвучил фамилию человека, которого считаю наиболее вероятным организатором **нападения на меня**. Сделал я это на следующий день после избиения, случившегося 13 января 2015 года. И назвал я, как известно, Курихина, деятельность которого я расследовал, аналогично тому, как это делал другой наш журналист Александр Крутов, избитый несколькими месяцами ранее.

Это прозвучало в эфире телепрограммы, которую «Общественное мнение» делало на местном канале. Эта, пожалуй, единственная аналитическая программа в саратовской сетке вещания, выходявшая около 10 лет, была закрыта спустя три дня. А потом начались другие проблемы, и среди них текущее уголовное дело. Два из четырех предъявленных мне эпизодов связаны как раз с моими предположениями по поводу возможной причастности Курихина к нападениям. Полицейская экспертиза очень любопытным образом трактовала их как утверждения.

Короче говоря, мое мнение таково, что Курихину было очень важно показательно наказать человека, который осмелился это проговорить. Ведь когда напали на Крутова, мы молчали, хотя уже тогда у нас вполне сформировалось убеждение по поводу того, кто за этим стоит. Но в таких случаях все зависит от желания самой жертвы нападения. Я молчать не желал, вот и все. Мне кажется, уже тем самым, что я начал расследовать деятельность Курихина в тот период, когда он стал в Саратове фигурой практически неприкасаемой, не говоря уже о том, чтобы открыто заявить, что подозреваю его в нападении, я в психологии Курихина нарушил какую-то одну ему известную иерархию. Вроде — кто такой я, и кто он.

Я подчеркиваю, что версия о причастности Курихина к нападению на меня остается моим предположением (далеко не только моим, разумеется), однако за прошедшие два года я значительно укрепился в своем убеждении.

Безусловно, ему в каком-то смысле удалось испортить нам жизнь. За последние два года я был фигурантом двух уголовных дел и еще четырех проверок по уголовным статьям, по некоторым из которых отказные решения неоднократно отменяла прокуратура. Сейчас две проверки продолжаются. Помимо этого было **два суда** по административкам, решения по которым признаны центром «Сова» случаями неправомерного антиэкстремизма. К примеру, антифашистская карикатура была трактована судом как пропаганда нацизма. По делу о клевете были **обыски в редакции**, у меня дома и у родственников с изъятием техники.

Были информационные атаки вроде неменяемого **обращения** в ГУ МВД Александра «Хирурга» Залдостанова с требованием проверить нашу редакцию на экстремизм. Я считаю, что и преследования со стороны «органов», и это письмо инспирированы Курихиным через его связи, а сам

Залдостанов и понятия не имел, о чем высказывается. К этому можно прибавить пропагандистский обстрел силами курихинского медиапула, очерняющие сюжеты против нас и меня лично были и на местном телевидении.

К последнему мы относимся легко. Переходя определенную грань, ложь уже не задевает, и опровергать ее становится бессмысленно. Другое дело, что эта ложь порой продолжает оставаться опасной, поскольку, по моему мнению, представляет собой информационное сопровождение разработки нас правоохранными органами, полицией в первую очередь. Ко всему прочему, я ровно год, с мая 2015-го по май 2016-го, находился под госохраной, что, кстати, напрямую не связано с нападением на меня, и доставляло некоторые неудобства.

Сергей Вилков / фото ИА «Общественное мнение»

Почему тебе дали госохрану? Как вообще госохрана работает?

— С госохраной произошла интересная история — я вообще впервые это рассказываю для публикации. После нападения дознаватель сразу предложил мне ее предоставить, в случае если я обосную, что мне может что-то угрожать. Я, естественно, отказался. Спустя четыре месяца, в апреле 2015-го, мы с женой заметили за собой слежку. Причем такое ощущение, что следивший не особо скрывался. Об этом я сообщил в полицию, с уличных камер были сняты видеозаписи, и человека, который за нами следил, стали искать, разумеется, безуспешно.

Далее — интереснее. В последних числах апреля ко мне обратился один мой знакомый, который сообщил, что ему будто бы стало известно от ближайшего окружения Курихина, что тот якобы планирует мое убийство. Назывался даже конкретный способ. Сразу скажу, что

не шибко всерьез это воспринял. Я прекрасно понимал, что таких утечек не бывает, и предположил, что скорее имел место преднамеренный вброс с целью меня запугать. Но, зная информационный флер, существующий вокруг депутата, я считал, что риск есть. Тем более что рисковал не я один, а еще и моя жена, с которой мы ежедневно ходили вместе с работы и на работу.

Поэтому я обратился в дознание с просьбой дать мне охрану. Дознаватель, в свою очередь, опросил моего информатора и, как минимум, его информатора. Не знаю, что он выяснил, но принял решение охрану мне дать. Тут, конечно, надо еще учесть, что после нападения на моего коллегу Александра Крутова и меня руководство областной полиции било себя в грудь, что обеспечит защиту журналистов. И если бы со мной произошел несчастный случай, у начальника ГУ МВД явно были бы проблемы. Поэтому, было там что-то или не было, готовил что-то Курихин или не готовил, — для меня загадка.

Собственно госзащита основана на двух обязательствах — нельзя выходить на улицу без сопровождающих сотрудников и находиться без них где-либо кроме мест, которые мы договоримся считать безопасными, вроде рабочего офиса. Кроме того, нельзя кому-либо рассказывать о наличии охраны, это прописано в договоре. Грубо говоря, вас возит куда надо пара оперативников в штатском, которые время от времени ротируются. Ребята они оказались нормальные, кое с кем даже было о чем поговорить.

Очень быстро стало очевидно, что им дана задача собирать обо мне как можно больше информации: сведения о любых контактах, семейных обстоятельствах. Они также настойчиво пытались в ходе разговоров получать информацию о работе нашей редакции, ходе моих уголовных дел, происхождении моего интереса

к фигуре Курихина. Выглядели эти попытки довольно наивно.

Было несколько забавных казусов. Например, мне удалось опытным путем установить, что госзащита отслеживает мое местонахождение по мобильному телефону (к интернету и GPS, к слову, не подключенному), хотя никакого разрешения на это я не давал. О том, что меня таким образом «палят», я стал догадываться почти сразу. Когда же я впервые за полгода для проверки оставил свой постоянный телефон дома и съездил на работу с телефоном и сим-картой, одолженными у знакомого, вечером мне, между делом, охраной был задан вопрос — нет ли у меня какого-нибудь второго телефона.

Другой любопытный момент произошел в декабре 2015 года, когда мои охранники почти случайно узнали, что оперативники УВД по Саратову (там расследовалось дело по «клевете») уже неделю ведут за мной, а соответственно и за ними тоже, слежку с не очень понятными целями.

Надо сказать, что режим госзащиты доставляет массу неудобств, и когда ее отменили, я скорее был рад, поскольку сам готовился это сделать. Но интересно то, как именно это произошло. 19 мая 2016 года принадлежащий депутату Сергею Курихину портал ИА «Взгляд-инфо» опубликовал истеричную заметку с риторикой в духе — как это так, человека «антигосударственных взглядов» охраняют сотрудники спецбатальона МВД. Сам факт наличия госзащиты, напомню, являлся оперативной тайной.

Через пару часов после выхода этого текста, ко мне на работу приехало руководство отдела госзащиты и сообщило, что охрану с меня снимают. Формальным поводом стало нарушение, допущенное мной год назад — в мае 2015-го, когда охрана только появилась, я однажды вышел вечером в магазин, не предупредив полицию, что было зафиксировано. В общем, переживать я не стал

и даже с некоторым облегчением это воспринял. Но получается, что несмотря на все меры типа секретности, человек, от которого по идее меня и должны были защищать, прекрасно об этих мерах знал?

Я думаю, что узнал он об этом в тот же день, когда я обратился за госзащитой. Лично я полагаю, что охрана была снята по инициативе Курихина. Тем самым возникает вопрос, зачем человек добивался отмены моей госзащиты, если любое неприятное происшествие со мной на фоне нашего конфликта может ударить и по его имиджу? Ответы, которые приходят на ум, мне не нравятся.

Зачем охранявшим тебя полицейским поручили собирать о тебе информацию?

— Я подозреваю, что информация эта потом могла поступать Курихину в том числе для использования в рамках уголовного дела. Компромат искали: вдруг с какими-нибудь его конкурентами встречаюсь и деньги чемоданами ношу. Но найти нечего, вот их беда. Хотя что-то из того, что они выясняли, конечно же, могло быть связано с их непосредственной работой — предотвращением возможного нападения.

Насколько влиятельным во властной и бизнес-иерархии Саратовской области человеком является Курихин?

— Я могу сказать свое мнение: по моим оценкам Курихин полностью контролирует региональную полицию, до самого недавнего времени контролировал прокуратуру (пока не приступил к обязанностям новый областной прокурор), Общественную палату области, весомую часть депутатского корпуса областной и городской думы Саратова, имеет влияние на отдельных министров, руководителей службы судебных приставов.

В данный момент на его медийном ресурсе идет так называемая «антикоррупционная» кампания, которую лично я оцениваю как попытку установить контроль над областным судом. Причем предметом давления тут, вполне вероятно, в первую очередь является мое уголовное дело. Примером его влияния на силовиков, как мне кажется, стало заседание областной думы 23 марта, на котором Курихин публично, как школьника, отчитывал главу ГУ МВД, требуя от него принятия репрессивных мер к «Общественному мнению». Название СМИ не звучало, но из контекста было совершенно понятно, о чем речь. Что касается влияния Курихина в бизнесе, как я думаю, в Саратовской области на данный момент не существует бизнесмена, который безнаказанно мог бы сказать ему «нет».

Связан ли Курихин с саратовскими ультраправыми?

— Сейчас я несколько ограничен в комментировании этих обстоятельств. Дело в том, что как раз об этом говорилось в моей статье, которая стала одним из эпизодов уголовного дела о клевете. Впрочем, никаких уголовных перспектив тут я не вижу. Этот [материал](#) я считаю одним из самых, если не самым серьезным своим исследованием. Я готовил его более полугода, по крупицам собирая информацию, используя множество источников, далеко не все из которых были упомянуты в тексте. (Другие публикации Вилкова о Курихине можно почитать [здесь](#) и [здесь](#)).

Отчасти именно из необходимости защитить конфиденциальность информаторов, в том числе от перспективы раскрытия их имен перед судом, я был вынужден придать тексту форму версии, предположения. Причем изначально эту тему я разрабатывал, заинтересовавшись попыткой местных националистов легализоваться и найти точки соприкосновения с властью.

Фигура депутата в этой истории всплыла неожиданно для меня. Если вкратце, то я считаю, что Сергей Курихин действительно пытался поддерживать ряд крайне правых деятелей с целью, как я предполагаю, расширить свое влияние в местных общественных советах.

Сергей Курихин / фото «Комсомольская правда»

Продолжишь ли ты расследовать деятельность Курихина?

— Я никогда не собирался становиться специалистом по Курихину. Разумеется, эксклюзивность темы меня, как любого журналиста, привлекает, но зацикливаться не хочу. Однако если будет интересная информация от источников, если сам Курихин будет давать новые поводы, разумеется, мы об этом будем писать.

Почему дело против тебя вернули на доследование?

— Не буду комментировать само судебное решение, но замечу, что Курихин, по-моему, во многом сам такому повороту способствовал. Как я считаю, он пытается расправиться не только со мной, но и с «Общественным мнением», представляя нас организованной группой, которая его якобы преследует.

Курихин пытается убедить всех, что мои статьи и публикации в соцсетях инициированы моим главредом, в то время как на самом-то деле он отговаривал меня заниматься потенциально опасной темой. В общем, в суде и в аффилированных с ним СМИ Курихин выдвинул уже с полдюжины версий того, почему «Общественное мнение» занималось расследованием его деятельности.

Во-первых, потому что нам платят олигархи, во-вторых, потому что с 2010 года нам за это платила коррумпированная городская власть, с которой он типа боролся, в-третьих, потому что он чуть ли не создал нашу

медиагруппу на свои деньги, содержал и кормил, а потом перестал платить. А мы в отместку на него клеветаем.

В-четвертых, потому что мы, таким образом, принуждали его к покупке нашего издания за 50 миллионов долларов. И именно поэтому я, мол, сфальсифицировал нападение на себя (о нападении на Крутова умалчиваем), чтобы подставить Курихина. Получается, я писал про Курихина, потому что стремился под его началом работать, чтобы он купил наше издание. Еще он приписывал наше финансирование нижегородским бандитам, которые на него покушались в 2011 году. А моим дополнительным мотивом Курихин называл желание прославиться за его счет.

Кроме того, он в суде и комментариях своему медиапулу пытался доказать, что я писал о нем, потому что я, как человек левых взглядов, должен ненавидеть депутатов и чиновников, поэтому выбрал его для дискредитации в его лице всего государственного строя России. А сайт депутата добавлял, что, видимо, я пишу именно о Курихине, потому что он богатый человек, а у меня никакой собственности нет (при том, что, по их же мнению, я нахожусь на содержании у неких олигархов).

Все это вываливалось практически параллельно одно другому. Короче говоря, натуральная фантазмагория, которая даже с текстом обвинения не согласуется, что должно было дезориентировать любого судью.

Есть еще один важный момент, показывающий, кому из нас на самом деле выгоднее отправка дела на доследование. На заседании, предшествовавшем возвращению дела в прокуратуру, суд удовлетворил наши ключевые ходатайства. Главное из которых — просьба о судебном запросе в центральные аппараты ФСБ и МВД на предмет возможного оперативного учета Сергея Курихина в качестве члена организованной преступной группировки. У нас есть основания полагать, что

результаты этого запроса могли кардинально развернуть процесс в мою пользу. Однако теперь судьба этого обращения неизвестна. Решение о возвращении на следствие мы, как минимум в какой-то части, будем обязательно обжаловать.

Ещё почитать

09.02.2026 Саратовская область

Правозащитника из Саратовской области Бориса Ушакова арестовали по новому уголовному делу